

Г.М. Казакова

Регион как пространство-время идентичности. Топохрон и хронотоп региональной идентичности

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты и научные взгляды на процесс восприятия региона как социокультурного локуса, и делается особый акцент на формировании региональной культурной идентичности. Вводятся и анализируются понятия «топохрон» и «хронотоп» региональной идентичности.

Ключевые слова. Культура, социокультурный регион, региональная идентичность, топохрон, хронотоп.

Мы определяем регион как субкультурный локальный пространственно-временной комплекс с особой неповторимой конфигурацией черт, необходимой для воспроизводства, самоопределения и осуществления человеческой деятельности индивидуумов определенного регионального типа и регионального самосознания, сформировавшегося как результат природно-ландшафтного приспособления, этнически-национальных и социокультурных процессов, протекающих на конкретной территории [1].

Наличие регионального самосознания и региональной идентичности является формирующим признаком региона как субкультурного локуса. Осмысленное пространство региона потому и существует, что есть людское сообщество, члены которого считают себя принадлежащими к данному региональному сообществу. Это означает, что если нет сообщества людей, считающих себя жителями определенной территории (региона), то и нет самого региона как смыслового, а не географического пространства. Но есть и обратный процесс, когда инерция обозначения формирует идентичность. Каждое новое поколение живущих в регионе познает и признает его как бы заново, но эта осмыслительная и опытная процедура основывается на уже зафиксированном образе прошлых поколений и на памятниках материальной среды. Это отправной «физический» момент идентичности [2].

Данная позиция находит поддержку ряда исследователей. Так, например, В.М. Суханов отмечает, что «региональная идентичность – это своего рода ключ к пониманию акторности региона как социально-политического и институционального пространства в контексте его взаимоотношений и встроенности в общефедеральное социально-политическое пространство» [3]. А.С. Макарычев рассматривает регионы как живые, социально и интеллектуально конструируемые пространства, а региональную

идентичность объясняет чувством принадлежности, набором разделяемых норм и ценностей, приверженностью определенным процедурам [4].

Концепт развивающегося региона не может быть рассмотрен вне апелляции к развитой региональной идентичности, высокому уровню региональной идентификации, патриотическим интенциям по отношению к «малой родине» [5].

Роль и значимость региональной идентичности относительно перечисленных оппозиций оценивается исследователями по-разному: ряд ученых утверждают о региональной идентичности как о «фундаментальной» [6]; как цивилизационной константе (причем в большей степени, чем язык), которая по степени постоянства приближается к «национальному характеру», возможно, даже опережая его. «Язык (при сохранении цивилизации) может быть утрачен, мышление может быть изменено, национальный характер деформирован (хотя это возможно лишь отчасти), но укорененность «в своей земле» является атрибутом данной цивилизации, по определению», – убеждает М.П. Крылов [7].

Другая позиция утверждает слабое проявление региональной идентичности, ее «неулавливаемость» и «неочевидность», и, как следствие, трудность ее изучения [8].

Подобная амбивалентность и неустойчивость региональной идентичности в России во многом связана с неопределенностью роли самих регионов – тех территориальных образований, границы которых задают ее рамки. Эта роль неоднократно менялась и в прошлом, и в настоящем в силу ряда внешних и внутренних обстоятельств. Внешние обстоятельства – это переменная динамика отношений регионов с Центром и многократное реформирование территориального управления страной. Внутренние – это наличие «вызовов» (В. Гельман, Т. Хопф) региональной идентичности, которые существуют на нескольких уровнях идентификационной пирамиды. На локальном уровне основания региональной идентичности как целостного явления подрываются эффектами урбанизации, противоречиями между крупными и крупнейшими городами, модернизационными центрами и полупериферийными и периферийными зонами, в которое «проваливается» почти все остальное пространство страны и регионов. На **общенациональном уровне** вытеснению региональной идентичности на периферию общественной жизни и/или придание им маргинального характера способствует активное конструирование российской идентичности. На **международном уровне** воздействие процессов глобализации может привести к появлению новых видов и уровней идентичности, оставляя меньше места для проявления региональной идентичности [9].

Результаты исследований региона как социокультурного феномена имеют двойную сопоставимость: синхронную и диахронную. Синхронная сопоставимость представляет собой многоаспектную сборку-синтез различных критериев и характеристик региона, как внутренних, так и внешних, на основе компаративного анализа структур различного порядка единого **социокультурного пространства** (общероссийского или мирового, например). Диахронная сопоставимость – исследование региона с учетом **временной** изменчивости региона, переживающего различные этапы своего развития, включающие как расцвет, так и периоды упадка и кризиса. В первом случае доминируют пространственные характеристики региона («топос»), во втором – временные («хронос»).

«Топохрон» региональной идентичности

«Пространство и время есть фундаментальные материальные измерения человеческой жизни», – утверждал М. Кастельс [10].

Тип, локализованный в пространстве (топос), в первую очередь, и во времени (хронос)- во вторую, определяется как топохрон. Это понятие приложимо как к артефакту (при условии его точной индивидуальной пространственно-временной локализации), так и к индивидуальному (отдельному) комплексу, выступая исходным звеном дальнейшей его культурно-исторической атрибуции (идентификации), а равным образом и к памятнику (локусу), который становится объектом историко-культурного исследования, лишь будучи преобразованным в топохрон [11].

Понятие пространства является ключевым понятием в теоретико-методологическом анализе региональной идентичности: его дифференциация, сущностное наполнение, специфика геосферы и семиосферы, степень взаимоувязанности с антропо- и социо-характеристиками и т.д. К критериям определения пространственной идентичности относятся ощущение принадлежности к месту, значимость места, образ места [12].

Как указывает английская исследовательница Джессика Прендерграст, «место (place) является необходимым условием социального существования настолько, что становится практически невозможно отличить «кто мы» от того, «откуда мы» [13].

Регион как топохрон – это макроячейка социокультурного пространства (Н.И. Лапин), горизонтальной дифференциации сообщества. Подход к региону в рамках географического детерминизма предполагает его изучение как пространственно-ландшафтного локуса. Структура региона накладывается на структуру пространства: пространственные слои, в которых актуализируется регион, разномасштабны. Это могут быть историко-культурный, социальный, этнический, политический, семантический, ментальный и др. слои геокультурного пространства. Но регион претендует на некоторое сверхфункциональное единство, которое заведомо полиморфно, многообразно. Правильнее было бы сказать, что регион – это единство пространства и человека или «очеловеченное пространство» (В.И. Вернадский). Как «очеловеченное» пространство регион обладает следующими признаками: целостности, многомерности, исторической обусловленности, динамичности, изменчивости, подвижности (И. Пригожин), протяженности (О. Шпенглер), структурности (М.С. Каган утверждал о структурной организации культурного пространства по ансамблевому признаку), информативности (А. Моль, П.Н. Милюков), поликультурности, смысловой наполненности, наличием «памяти» (Ю.М. Лотман), антропоформности и антропоцентричности (В.Д. Лелеко), ценностности и интегрирующего начала (С.Н. Иконникова), непрерывности, открытости-закрытости, дискретности, способности влиять на формирование человека, личности и т.д. Целостность – это принципиальная несводимость свойств региона к совокупности его компонентов, зависимость каждого элемента (природного или культурного) от его положения внутри региона. Системность – совокупность отношений связывающих элементов региона, обуславливающая его равновесность и самовоспроизводство. Локализованность – пространственное ограничение региона, заданное его размещением в естественных пределах физико-географического ландшафта. Наличие внутренних и внешних связей – благодаря которым регион обособляется от более масштабной структуры и противостоит ей как относительно единое образование. Устойчивость – способность региона к самосохранению, за исключением мегафакторных величин физико-географического и культурно-исторического характера. В процессе жизнедеятельности регионального общества ландшафт выполняет роль ресурсовоспроизводящей, средовоспроизводящей и хранящей генофонд системы [14].

Региону как «топосу» присущ дуализм природного и культурного. Человек живет в ландшафте и не иначе. Проживая, человек, как носитель определенной культуры, изменяет ландшафт/территорию, осваивая его утилитарно и семантически. Регион

выступает в качестве одного из значимых таксонов геокультурного ландшафта и рассматривается в качестве одной из возможных моделей развития отдельной территории мирового пространства, ориентированной на сохранение локальной культурной специфики. Разнообразие культурных ландшафтов в рамках ойкумены, естественно сложившихся под влиянием географических и исторических факторов, задает региональное разнообразие. Регион как часть ойкумены укоренен в конкретном культурном ландшафте и соответственно представляет собой территориально-культурную целостность, общность людей, связанных проживанием на определенной территории, в ограниченном пространстве, в конкретных природных условиях.

В классической социологии выделяется две точки зрения на проблему соотношения территории и социума. Одна позиция отрицает прямую связь между ними. Так, согласно Э. Дюркгейму, территория как фактор конструирования социального пространства утрачивает свое значение по мере развития общества, когда на смену «механической солидарности» примитивных сообществ приходит «органическая солидарность», которая зависит не от близости в физическом пространстве, а в социальном [15]. Аналогичную позицию находим у Энтони Гидденса, который замечает, что новые возможности для взаимодействия с «отсутствующими другими» свели значение фактора пространства до нуля [16]. В работах современных авторов встречается полное отрицание региональных трактовок общества (Н. Луман, теория «аспатиальности» Л.В. Смирнягина и др.) и «истончения» «миров мест».

Вторая точка зрения, более распространенная, утверждает, что «проблемы глобального уровня становятся частью повседневного локального опыта и «моральных жизненных миров», а «одним из важнейших следствий глобализации является возвращение к понятию места». (У. Бек) [17].

Данная точка зрения восходит к идеям И. Канта о земном шаре как обиталище Человека. К. Риттер считал поверхность Земли жилищем и «воспитательным домом» для человечества в его земном странствии. Устройство земной поверхности служило созреванию, воспитанию человеческого рода и его распространению по разным континентам и регионам. «Земля создана для человека как тело сотворено для души», - утверждал еще один выдающийся географ XIX века швейцарец А. Гюйо. Георг Зиммель считал, что реальное пространство/территория оказывает влияние на качественные характеристики социальных взаимодействий. Он подчеркивал, что «единство близости и отдаленности свойственны всякому отношению между людьми» [18]. Работы Т. де Шардена, В.И. Вернадского, Л.Н. Гумилева давали представление о процессах перехода биосферы в ноосферу. С точки зрения выдающегося антрополога А. Кребера культуры «укорены в природе» и не могут поняты иначе, как «в соотношении с тем клочком земли, на котором проявляются», что, впрочем, не означает абсолютизации значимости географически-природного фактора. Для разграничения культурных ареалов А. Кребер ввел понятие «фокусного центра», под которым понималось место, где модель культуры региона проявлялась наиболее отчетливо. При этом сам термин «культурный ареал» А. Кребер не считал удачным и расшифровывал его как «регионально индивидуализированный тип». Одним из родоначальников концепции «духа ландшафта» («духа территорий») – *Genois Locis*, под воздействием которого складывается душа народа, явился немецкий исследователь В. Шубарт. Он построил сравнительную типологию культур Востока (России) и Запада (Европы) – «иоаннической культуры» и «прометеевской культуры». «Восток и Запад – не только географические, но и душевные понятия. Пересеченная, узкая, разъединенная Европа подчинена иному духу ландшафта, нежели Азия с ее просторами безграничных равнин». Пространственный дух Азии В. Шубарт связывал с топосом **стени**, а Европы – с **морем** [19]. Схожие идеи мы находим у

М. Хайдеггера: «Простор, продуманный до его собственной сути, есть высвобождение мест, в которых судьбы обитающего человека повертываются к целительности родины, или к губительной безродности, или уже к равнодушию перед лицом обеих. Простор есть высвобождение мест, вмещающих явление бога, мест, покинутых богами, мест, в которых божественное долго медлит с проявлением» [20]. Свою блестящую статью «Искусство и пространство» он заканчивает словами Гете: «Не всегда необходимо, чтобы истинное телесно воплотилось; достаточно, если его дух веет окрест и производит согласие, если оно как колокольный звон с важной дружественностью колышется в воздухе» [21].

В отечественной науке одним из идеологов евразийства П. Н. Савицким был введен в научный оборот термин «месторазвитие» [22]. Сущность его теории состояла в том, что связи культуры, истории и географии носят не причинный, а органический характер, который может быть выражен понятием «сообращенность». Такой подход был определен как **геософия** – «синтез географических и исторических начал» [23]. Приверженцами данного направления стали Л.И. Мечников, Н.С. Трубецкой, П. Савицкий, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев. Всплеск и возрождение интереса к культурному началу пространственных явлений в российской науке пришелся на 90-е годы XX века (Ю.А. Веденин, С.М. Мягков, В.Л. Каганский, В.Н. Калуцков, Ю.Г. Симонов, Р.Ф. Туровский и др.).

На наш взгляд, пространство государства или его части само по себе является ценностью независимо от того, какими ресурсами оно располагает. Оно предопределяет изначальные особенности социокультурной среды. Регион существует, в первую очередь, в плотной «социальной ткани» государства. Являясь определенной физико-географической данностью, как некой закрепленностью и организованностью, регион сущностно определяется в большей степени как социокультурная единица целого организма страны. Соответственно, территорию региона, где происходит развитие социальных сообществ, необходимо рассматривать как определенную «самоценность» [24]. Это, во-первых.

Во-вторых, для понимания региональной идентичности оказывается важным не географическое пространство само по себе, а **чувство пространства**, сплав физической реальности и вызываемых ею эмоций. Идентичность – это «воля к жизни и развитию на данной территории, ...это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» [25].

Линии теоретического анализа использования пространственно-географических образов в развитии территориальных сообществ исчерпывающе представлены в трудах Д.Н.Замятина, О.Замятиной, О.Лаврениевой, Е.В.Головневой и многих других.

Таким образом, важнейшей составляющей региональной идентичности выступает исторически-обусловленная рефлексия территории в сознании индивида и общности, так как главными причинами совместного бытия являются человеческое стремление к осмыслению собственного социального мира и закономерная когнитивная потребность в порядке, предсказуемости и стабильности. Через рефлексию территории люди конструируют собственные интерпретации внешнего мира и формируют модели поведения, принятые на «малой родине». В территориальной идентичности сочетаются «аспекты собственно пространства и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности.

Географическое и социальное пространства не являются изоморфными. Но в вопросе, касающемся региональной специфики, некоторая изоморфность наблюдается. Речь идет об описанном П. Бурдьё неравномерном распределении о наличии своеобразной проекции

географического пространства на социальное пространство. Отсюда – контекстуальность всех региональных идентичностей. Это сообщество образует близкую социокультурную среду жизнедеятельности его членов как личностей, мотивирует их действия; здесь комплексно и во многом непосредственно реализуются взаимоотношения индивидов друг с другом, а опосредованно – и с обществом. Регион выполняет функции, отчасти аналогичные функциям общества, но вместе с тем и специфичные. Каждый регион обладает особенностями, отличающими его от других регионов данного социума, взаимодействует со многими из них. Регион возникает на основе территориальной, социо-экономико-, этнокультурной и пр. идентичности населения, заселившего данную территорию, существует и изменяется в результате деятельности его жителей, живущих в городских и сельских поселениях, связанных экономическими интересами (разделения труда, обмена) и социальной организацией (структурой, институтами) [26]. Можно утверждать, что несмотря на свой рыхлый и противоречивый статус, регион, тем не менее, является основным структурным звеном социокультурного пространства страны как общественного договора, имеющего горизонтальную структуру. Региональная идентичность как субъективная составляющая территориального поведения, во-первых, обеспечивает возможность самореализации человека в данном пространстве и времени; во-вторых, повышает уровень взаимозависимости и, следовательно, укрепляет социально-территориальные связи и отношения; в-третьих, способствует сохранению территориальной общности через воспроизведение «паттернов поведения» (А.А. Тюплин [27]).

Хронотоп региональной идентичности

Идентичность – исторична, переменна во времени. В этом смысле она объективна, проживается как естественная суть дела, как подлинный жизненный опыт. С другой стороны – она производна от воли и деятельности людей, многими считается конструируемой и даже проектной сущностью, она деетворима, в ней присутствует субъективизм.

Подход к региону как **хронотопу** предполагает в качестве первичных признаков ограничение в первую очередь временными рамками. Регионы имеют свою динамику развития, новая историческая эпоха меняет культурный ландшафт, привнося свои ценности, стили, образы. «Каждая новая эпоха по-своему обустроивает свой ландшафт, не заботясь о сбережении прошлых достижений» [28], в результате чего эволюция культурного ландшафта во времени предстает как трансформация его исторических пластов. Вот почему регионы, даже сохраняясь в разные исторические эпохи в рамках пространственных границ, предстают как вечно меняющееся явление.

Во временной перспективе процедура формирования региональной идентичности проходит три фазы: фаза дифференциации, фаза выработки авто- и гетеростереотипов и фаза формулирования регионального идеала [29].

Фаза дифференциации – осознания особенностей своей общности, отличий «мы» от «они». Речь идет о топонимике, мифологизации прошлого общности, ее «почвы» (территории, языка, культуры, религии, экономики)

Фаза выработки авто- и гетеростереотипов – складывание представлений о психическом складе. Темпераменте типичного представителя региональной общности, его особенностях, психологической установке в восприятии себя и других. К данному уровню относится формирование устойчивых представлений и оценок, типичных для группы поведенческих. Коммуникативных, эмоциональных стилей. Данные стереотипы

завязываются в самоорганизующуюся систему, она аккумулирует стандартизированный коллективный опыт и является неотъемлемым элементом обыденного сознания.

Фаза формулирования стратегических задач, стоящих перед регионом и/или регионального идеала. Данная фаза представляет собой синтез двух предыдущих, включает в себя как оценку своей общности, так и представление об ее политических или социально-исторических задачах. Господствующих ценностных ориентациях, специфических для данной общности. Основной функцией региональных идеалов является интеграция общности, остальные функции (коммуникативная, компенсаторная, аксиологическая, прогностическая, адаптационная и др.) носят вспомогательный характер, что позволяет ряду исследователей говорить о конструировании особой «региональной идеи» по аналогии с национальной идеей (например, Урала как «региона-завода» России, Юга России – как «житницы» страны и т.д.)

Динамика культурного процесса регионов определяется с учетом следующих закономерностей: во-первых, историческое движение в культуре имеет векторную направленность от одного состояния к другому вне зависимости от того, насколько «неподвижными» представляются исследователями некоторые культуры прошлого и настоящего; во-вторых, в культуре наличествуют не только непрерывные линии преемственности, но и дискретные процессы различной направленности, обеспечивающие нелинейность, многомерность динамики культуры.

Чувство региональной тождественности, общности маркирует границы социокультурного региона. Границы определяют критерии, согласно которым та или иная территория приобретает тот или иной вид, и зачастую искусственно конструируются исследователями, теоретиками и практиками. Границам придается роль «властных ножиц», призванных раскраивать по своему усмотрению территории, пространства и «живые материи». Отсюда многообразие трактовок границ тех или иных историко-культурных явлений ведет за собой многообразие самих моделей типологизации социокультурного пространства. Как правило, вопрос о границах конструируемого региона/края/области мыслится исследователями через призму их естественно-исторического сложения. В этом смысле региональная история оперирует комбинированными границами. Комбинированность границ достигается за счет соположения рефлексии пространственного континуума (рубежи, расстояния, пределы, края, барьеры, препятствия, местности и т.д.) и культурно-исторических границ (языковых, этнографических, историко-политических границ, границ культурно-бытовых явлений: например, комплексов посевных культур, территориальных комплексов головных, шейно-нагрудных украшений, женского костюма, традиционного ткачества, комплексов годового цикла традиционных общественных обрядов и праздников, пищи, комплексов усадеб и построек и др.). Реально границы существуют в каждой точке ландшафта (М. Бахтин говорил о «всюдности» границ в культуре). Регион, таким образом, представляет собой динамическое пространство, которое форматируется чувством тождественности действующих в этом пространстве людей, в соответствии с доминирующим основанием социальной консолидации.

Региональная идентичность тесно связана также с проблемами **восприятия времени и толкования культурного прошлого**. Необходимым фактором формирования и существования региональной идентичности является память. Именно историческая память дает возможность человеку ощущать свою принадлежность к региону в разные периоды его жизни. Память – это как личные, так и коллективные воспоминания, т.е. разделяемая память, в рамках которой выстраивается иерархия исторических ценностей и происходит отбор исторических фактов и событий по их общественной значимости. Это

предания, легенды, топонимика, исторические повествования, символика, праздники, ритуалы. При этом они не обязательно фиксируются, часто они являются «невидимыми» для внешнего наблюдателя. Региональная идентичность конструируется посредством обращения к «перевернутой истории» [30], которая обращается в прошлое, к усвоенным моделям происхождения. Каждое новое поколение в региональном сообществе не только создает свои представления о регионе, но и усваивает уже существующую систему социальных значений и смыслов, выраженных в языке, духовном историческом наследии, объектах материальной культуры.

Значимость теоретического изучения региональной идентичности для понимания формирования и функционирования регионов определяется, прежде всего тем, что она является культуромаркирующим основанием, инструментом воссоздания специфической коллективной социальности, задает норму антропологического воображения и является продуктом коллективной памяти [31].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Казакова Г.М. Регион как социокультурный феномен: монография. М.: НОИ УРАО, 2013. 164 с.

[2] Казакова Г.М. Российская региональная идентичность: культурологический ракурс // Вестник Московского государственного ун-та культуры и искусств. 2008. № 6. С. 16-20.

[3] Суханов В.М. Региональная и политическая идентичность в России: теоретический анализ состояния и перспективы. Дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2009.

[4] Макарычев А.С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. 2003. № 3. С. 14.

[5] Алаудинов А.А. Региональная идентичность – основа формирования общенациональной политической идентичности. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015. С. 49.

[6] Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: ООО «Издательский центр научных и учебных программ. Вып. 90. 1999. С. 36.

[7] Крылов М.П. Теоретические проблемы региональной идентичности // Гуманитарная география. М.: Институт наследия, 2006. Вып. 3. С. 157.

[8] Белобородова И.Н. Региональная идентичность как фактор формирования социально-территориальной общности: этнокультурный подход к определению исследовательского поля (на примере Русского Севера) // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. Вып. 90. С. 213.

[9] Гельман В. Введение // Центр и региональные идентичности в России. СПб.-М.: Летний сад, 2003. С. 24.

- [10] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 354.
- [11] Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 389 с.
- [12] Гончарик А.А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 218-224.
- [13] Цит. по: Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты ее изучения // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 81.
- [14] Казакова Г.М. Осмысление социокультурного региона в рамках теории культурно-ландшафтного районирования // Вестник культуры и искусств. 2009. Т. 19. № 3. С. 133-138.
- [15] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
- [16] Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 83.
- [17] Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1(21). С. 25.
- [18] Зиммель Г. Избранное: В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 140.
- [19] Шубарт В. Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 11.
- [20] Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991. С. 95-102.
- [21] Там же. С. 99.
- [22] Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- [23] Савицкий П.Н. Географический обзор России – Евразии // Мир России – Евразия. Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 227.
- [24] Ефимов В.П. Пространственный капитал – основа развития региона в качестве целостного социально-экономического комплекса: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 32 с.
- [25] Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос. 2005. № 1 (46). С. 275-276.
- [26] Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. М.: ИФРАН, 2006. С. 12.

- [27] Тюплин А.А. Территориальная идентичность как фактор глокализации // Социология власти: журнал социологического центра РАГС. 2007. № 5. С. 133.
- [28] Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: ИКИПН, 1998. С. 28.
- [29] Волкогонова О.Д. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 49-50.
- [30] Головнева Е.В. Ценностные основания развития региональных сообществ // Культурологические чтения – 2016. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 50.
- [31] Казакова Г.М. Российская региональная идентичность. С. 19.

© Казакова Г.М., 2018

Статья поступила в редакцию 26 сентября 2017 г.

*Казакова Галина Михайловна,
доктор культурологии, профессор
Челябинского государственного
института культуры
e-mail: kazakovagm@mail.ru*